

С л о в о,

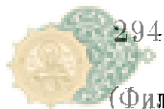
сказанное профессорскимъ стипендіатомъ Академіи, іеро монахомъ Анатоліємъ вмѣсто запричастнаго стиха при погребеніи усопшаго архимандрита Антонія.

*„Послѣдній (же) врагъ
испразднится смерть“ (I Кор.
XV, 26).*

Такъ учитъ насъ, возлюбленные братіе, слово Божіе и мы, дѣйствительно, нынѣ видимъ наглядное подтвержденіе того, что еще „царствуетъ адъ надъ родомъ человѣческимъ“ (стих. въ Великую Субботу). Передъ нами снова открывается великое и страшное таинство смерти, столь часто созерцаемое нами и всякій разъ наполняющее душу нашу сильнымъ смятеніемъ и трепетомъ. Простирающая свою ужасную власть на всѣхъ земнородныхъ безъ всякаго ограничеія, смерть похитила нынѣ изъ среды живыхъ мужа великой духовной крѣпости, бывшаго духовнымъ отцемъ и пѣстуномъ многихъ изъ насъ. Среди насъ возвышается гробъ, содержащій въ себѣ только бранные останки того, котораго мы привыкли столь часто видѣть въ семъ святомъ храмѣ совершающимъ священныя службы и заботящимся объ ихъ благолѣпіи, а его душа отошла въ путь всея земли, въ страну невѣдомую, откуда не возвращаются, ибо даже и воскресенные чудотѣй-

ственной силою Божіею умирали вторично. Такимъ образомъ опредѣленіемъ Всевышняго проведена рѣзкая черта между имъ и нами оставшимися. Прежде нашъ духовный отецъ быть весь среди насъ, принадлежалъ намъ всѣмъ своимъ существомъ, а теперь нашему созерцанію доступно только одно тѣло, лишенное духа и жизни и подверженное разрушенію. „Все тѣлесныя нынѣ органы, скажемъ словами церковнаго пѣснописца, праздно зрятся, иже прежде мала подвижниками, все недѣйствительны, мертвы, нечувствительны: очи бо заидоша, связася носъ, роть безмолствуетъ и слухъ съ ними: языкъ молчаніемъ заключися, гробу предается“ (стих. на погр. иноковъ). Это печальное и непонятное намъ зрѣлище смерти потрясаетъ нашу душу, вызываетъ у насъ тучу слезъ и воздыханій. Какъ сильно претитъ нашему естественному чувству страшное видѣніе смерти человѣческой! Даже самъ Божественный Спаситель нашъ „возскорбѣвъ духомъ и возмущился“, пришедъ ко гробу Своего умершаго друга Лазаря и увидѣвъ слезы его присныхъ (Іоан. XI, 33. 38). А въ саду Геосимапскомъ, готовясь вкусить отъ чаши крестныхъ страданій и смерти, Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ: „*прискорбна есть душа Моя до смерти*“ (Мѣ. XXVI, 38) и съ сильнымъ воплемъ и со слезами, какъ говоритъ Апостолъ, приносилъ молитвы и моленія Могущему спасти Его отъ смерти (Евр. V, 7). И наша мысль останавливается въ недоумѣніи при видѣ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, не должно бы кажется быть никакой смерти въ царствѣ Бога вѣчно живаго. Только жизнь, все болѣе и болѣе развивающаяся, могла бы быть лучшимъ свидѣтельствомъ той истины, что все имѣетъ источникъ своего бытія въ самосущей Жизни. Поэтому правъ былъ священный пѣвецъ, когда говорилъ: „*не мертвыи восхваляютъ Тя, Господи, ниже вси нисходящии во адъ, но мы живии благословили Господа отнынѣ и до вѣка*“ (Пс. CXIII, 26). А между тѣмъ, не говоря уже о явленіяхъ

разрушенія и гибели въ царствѣ неразумной, растительной и животной жизни, смерть составляетъ удѣлъ всѣхъ людей отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низкихъ. Черезъ нея врата прошелъ даже Самъ Божественный Спаситель нашъ, хотя Онъ говорилъ о себѣ: *„Азъ душу Мою полагаю; область имамъ положить ю и область имамъ паки пріяти ю“* (Іоан. X, 18). Пусть не говорятъ намъ и не уменьшаютъ нашего великаго недоумѣнія при видѣ смерти тѣмъ, что смерть есть какъ бы нѣкоторый сонъ. Да, видимое сходство между смертью и сномъ есть и Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ о смерти Лазаря: *„Лазарь другъ нашъ усне“* (Іоан. XI, 11). Но при видимомъ сходствѣ какое однако чрезвычайное различіе! Во снѣ наша душа не разлучается съ тѣломъ и самое тѣло продолжаетъ жить свойственною ему жизнью. Смертью же, наоборотъ, вносится разладъ въ самое существо и природу человѣка. Кромѣ ужаснаго вида прекратившейся жизни тѣла въ смерти есть еще другая сторона, болѣе важная и болѣе насъ потрясающая. Что испытываетъ бѣдная душа человѣка въ страшный часъ смерти ея тѣла? Она, которая создана для жизни, конечно, небесной, но въ условіяхъ земной дѣйствительности, была тѣсно связана при жизни со своимъ тѣломъ, прямымъ и непосредственнымъ органомъ ея обнаруженій. И вотъ теперь она совлекается, обнажается отъ этого тѣла и вступаетъ въ условія совершенно новыя: въ ней тернется уже всякое отвлѣч. оцутимое сознаніе, она замыкается, такъ сказать, въ самое себя. „Воистину, скажемъ опять словами церковнаго пѣснописца, страшно есть смертное таинство, како душа отъ тѣла нуждею разлучается, отъ счиненія и сочетанія естественнѣйшій союзъ Божиимъ хотѣніемъ отсѣкается“ (стих. на погреб. иноковъ). И если, несмотря на это столь естественное чувство страха передъ смертью, св. Ап. Павелъ, а за нимъ и многіе святые человѣки, говорилъ: *„Желаніе имый разрѣшиться и со Христомъ быти“*

(Фил. I, 23), то въ этихъ словахъ слышится не простое отрицаніе страха смерти, а побѣда и торжество надъ нимъ. Эти слова обнаруживаютъ безграничную любовь Апостола ко Христу. Мы знаемъ,—какимъ пламенемъ любви къ Богу и ближнимъ было объято все существо Апостола Павла, который, напр., свидѣтельствуеъ о себѣ, что ради спасенія присныхъ ему по плоти израильтянъ онъ готовъ былъ быть отлученнымъ отъ Христа (Римл. IX, 3). Но тотъ же богодухновенный Апостолъ говоритъ о себѣ и о всѣхъ насъ, что мы „не хотимъ совлещися, но пооблещися“ (2 Кор. V, 4) и что все-таки смерть есть послѣдній врагъ нашъ.

Послѣ всего этого сколь естественно, намъ, возлюбленные братіе, вмѣстѣ съ церковнымъ пѣснописцемъ спросить: „что сіе еже о насъ бысть таинство“? Гдѣ причина такого ужаснаго, потрясающаго все наше существо, явленія, какъ смерть человѣка, созданнаго по образу безсмертнаго Бога? „Како предахомся тлѣнію и припряхомся смерти“?

Послушаемъ,—какъ объясняетъ намъ происхождение и значеніе смерти тотъ же св. Апостолъ Павелъ, который называетъ ее послѣднимъ врагомъ нашимъ. „Единьмъ человекомъ, говоритъ онъ, грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, въ немже вси согрѣшиха“ (Римл. V, 12), и еще: *оброцы (бо) грѣха—смерть*“ (VI, 23). Такъ вотъ откуда произошла смерть и что она есть. Это явленіе въ родѣ человѣческомъ вовсе не исконное и не первоначальное. Смерть произошла въ жизнь человѣка, какъ нѣкоторое неизбѣжное естественное слѣдствіе другого, опять-таки не какого-нибудь законнаго и отвѣщающаго природѣ человѣка, явленія, именно—грѣха. Она есть наглядное, воочію свидѣтельствующее о своемъ торжествѣ, обнаруженіе всей ужающей силы живущаго въ нашей природѣ начала грѣховнаго. Теперь получаютъ объясненіе вся непонятность и все несоотвѣтствіе природѣ человѣка и его чувству смерти. Въ самомъ дѣлѣ, грѣхъ, будучи въ своей

основѣ явленіемъ прежде всего богоборнымъ, а затѣмъ и потому безиравственнымъ, никакъ не можетъ быть понятъ и не можетъ быть предметомъ дѣйствительной любви. Въдѣ грѣхъ есть сознательное или безсознательное возмущеніе противъ Творца и извращеніе нашей разумной богосозданной природы. Онъ есть, поэтому, то, чего, казалось-бы, никогда не должно бы быть и что почему-то однако есть. Потому же самому грѣхъ можетъ только прельщать насъ выгодною или какою-либо корыстью, словомъ, имѣть только временную сладость (Евр. XI, 25) и въ концѣ-концовъ онъ есть явленіе временное. Какъ непонятенъ грѣхъ, какою тайною является для насъ беззаконіе и какъ несомнѣненъ конецъ, который будетъ положенъ грѣху, такъ непонятно и его слѣдствіе—смерть, такимъ ужаснымъ, претящимъ нашему чувству, таинствомъ она представляется намъ и въ то же время такъ же несомнѣнно, что и ей будетъ конецъ, что, хотя она—и послѣдній врагъ, однако, когда-то, какъ говоритъ Апостолъ, испразднится. И мы, вѣрующіе во св. Евангеліе, дѣйствительно, знаемъ, что *„грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ“* (Іоан. V, 25). А если воскреснутъ всѣ мертвые безъ исключенія, то нѣтъ и не можетъ быть особенно великаго страха передъ смертью самой по себѣ. И если однако мы все-таки ужасаемся смерти даже тогда, когда собственная наша жизнь, обремененная многими скорбями и болѣзнями, становится тягостной намъ, если сейчасъ, въ настоящую минуту, на лицахъ всѣхъ насъ видны не только скорбь и слезы о почившемъ отцѣ нашемъ, но и отпечатокъ какой-то особенной сосредоточенности и задумчивости, то это говоритъ о томъ, что наша мысль при видѣ смерти останавливается не столько на этой послѣдней, сколько на ея причинѣ. Какимъ безобразнымъ и ужаснымъ долженъ представиться намъ теперь грѣхъ, когда онъ производитъ такое безобразное и такое ужасное явленіе, какъ смерть. Тотъ же грѣхъ дѣлаетъ для

насъ страшную смерть потому, что за нею слѣдуетъ судъ, какъ говоритъ Апостолъ, *„лежитъ человѣкомъ единою умерети, потомъ же судъ“* (Евр. IX, 27). Смертью оканчивается то важное, рѣшающее нашу вѣчную участь, время сѣянiя и добродѣланiя въ нашей жизни, за которымъ слѣдуетъ уже подведенiе итоговъ и дальнѣйшее развитiе въ избранномъ человѣкомъ направленiи. Кто въ состоянiи изобразить хоть сколько-нибудь тотъ страхъ и трепетъ, съ которыми предстаетъ душа, разлучившись отъ тѣла, предъ престоломъ Всеправеднаго Судii. Тогда, быть можетъ, съ особенно поразительною отчетливостiю прелносится ея умственному взору все содержанiе прожитой жизни и горе бѣдной душѣ, если теперь, когда мiръ духовный и его непреложные законы становятся для нея предметомъ уже не вѣры, а и видѣнiя, окажется, что жизнь ея не отвѣчала этимъ законамъ. Жизнь, проведенная въ суетѣ и нерадѣнiи о вѣчномъ спасенiи, покажется тогда какимъ-то пустымъ пространствомъ, какъ-бы и не бывшей. Душу охватитъ тогда страшное по своей невыносимости раскаянiе, она готова будетъ тогда на всякiй подвигъ, на всякую вольную страсть, лишь-бы опять воспользоваться жизнью земной, какъ средствомъ, черезъ которое только и можно наследовать вѣчную жизнь, но не будетъ у нея тѣла, не будетъ и поприща для дѣятельности. При этой страшной мысли о томъ, что испытываетъ душа человѣка въ часъ смерти, становятся особенно понятными слѣдующiя слова нашего Божественнаго Спасителя: *„не бойтесь отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ лишить что сотворити; скажу-же вамъ, кого бойтесь: бойтесь илущаго власть по убiенiи вопреци въ дебрь огненную: ей, глаголю вамъ, того бойтесь“* (Лук. XII, 4—5). Вотъ въ чемъ заключается истинный страхъ передъ смертью.

Возлюбленные братiе! Смерть и воскресенiе для всѣхъ насъ являются неизбѣжными: и праведники умираютъ, хотя

смерть ихъ носить черты особенныя, измѣняющія самое понятіе о смерти,—развѣ смерть можетъ считать своею добычею цѣлѣнныя тѣла св. угодниковъ Божіихъ?—И грѣшники всѣ воскреснутъ, хотя, быть можетъ, и не желали бы атого. Но грѣхъ не представляетъ чего-то неизбежнаго. Наоборотъ, онъ есть то, что должно быть и можетъ быть самымъ тщательнымъ образомъ нами избѣгаемо. Вѣдь для атого и совершилось все необъятное и досточудное домостроительство Божіе о нашемъ спасеніи. Намъ дарованы теперь вся „божественныя силы, яже къ животу и благочестію“ (2 Петр. 1, 3). Воплотившійся ради нашего спасенія Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своимъ честнымъ крестомъ притупилъ жало грѣховное и тѣмъ самымъ разрушилъ державу смерти. Воскресши изъ мертвыхъ, Онъ явился начальникомъ жизни. Нѣтъ болѣе смерти, какъ таковой: всѣхъ бо свободи насъ Спасова смерть! И если мы, возлюбленные братіе, будемъ побѣждать въ себѣ грѣхъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, если мы превратимъ жизнь свою въ постоянное приготовленіе къ смерти, чѣмъ она, какъ это ни странно, быть можетъ, для слуха многихъ, и должна быть, то мы достойно и безъ особеннаго страха, страха не только плотскаго, могильнаго, но и страха за свою вѣчную участь, встрѣтимъ нашего послѣдняго врага, т. е. смерть. Тогда на насъ исполнится недожное слово Спасителя нашего: „аминь, аминь глаголю вамъ: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать, видѣти во вѣки“ (Іоан. VIII, 51) и „аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушаѣй словесе Моего и вѣруѣй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный и на судъ не приидетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ“ (V, 24).

О томъ же,—какъ превращать свою жизнь въ постоянное приготовленіе къ смерти, мы можемъ и должны поучаться у нынѣ предлежащаго гроба. Многимъ изъ насъ вѣдомо то, что почившій отецъ нашъ изъ своей долголѣтней

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1905 г.

жизни только годы своей ранней юности провелъ въ мірѣ, а все остальное время свыше полустолѣтія онъ подвизался въ здѣшней святой обители. Его жизнь была великимъ подвигомъ наипаче молитвы и поста. Въ своей жизни онъ руководствовался тѣмъ правиломъ, которое ставятъ для всѣхъ ревнующихъ о спасеніи отцы-подвижники: „помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши“.

Возлюбленные братіе! Взирая на открывающееся передъ нами таинство смерти, постараемся о томъ, чтобы „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати“. Будемъ спѣшить обогащаться добрыми дѣлами „дондеже день есть“, ибо, какъ говоритъ Спаситель нашъ, „прійдетъ ночь, т. е. смерть, егда никтоже можетъ дѣлати“ (Іоан. IX, 4). Аминь.